

#YOUNG
FANTASY

МАРИЯ ДЭВАНА ХЭДЛИ

МАГОНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
Х99

Maria Dahvana Headley
MAGONIA

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
The Gernert Company, Inc. и Andrew Nurnberg

Хэдли М.Д.

Х99 Магония: [роман] / Мария Дэвана Хэдли; пер.
с англ. С. Арестовой — Москва: Издательство АСТ,
2018. — 416 с. — (#YoungFantasy).

ISBN 978-5-17-105311-6

Шестнадцатилетняя Аза с рождения страдает загадочной болезнью легких. Она не может нормально дышать, говорить, жить. Недуг медленно убивает Азу, и доктора не знают, как исцелить ее... Однажды она видит плывущий по небу старинный корабль. Все уверены, что Азе это привиделось: просто галлюцинация, вызванная лекарствами. Но вскоре девушка исчезает из этого мира. И оказывается в другом... Там, наверху, в Магонии.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-105311-6

Copyright © 2015 by Maria Dahvana Headley
© С. Арестова, перевод на русский язык, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2018

ПОСВЯЩАЕТСЯ ЧАЙНЕ
{{{ &,&& }}}}

ПРОЛОГ

Я делаю вдох и выдох. Небо — сплошные облака. Сверху, извиваясь, спускается канат. Одним концом он уходит в небо, а другим тянется к земле. Перед глазами мелькает лицо женщины, она смотрит на меня, а вокруг целые сотни птиц. Они взмывают в небо, подобно волне, переливающейся черным, золотым и красным, и я чувствую себя в безопасности, и мне холодно, и здесь только луна и ярко горящие звезды.

В сравнении с ними я становлюсь крошечной. Я больше не на земле.

Все мы мечтаем о небе и летаем во сне, но в этом сновидении я не летаю, я плыву, и подо мной океан из ветров.

Я говорю «сновидение», но оно кажется более настоящим, чем вся моя жизнь.

Глава 1

{АЗА}

Я хронический пациент.

Вот что я говорю людям, когда нет настроения отвечать на всякие дурацкие вопросы. Это моя дежурная шутка.

Она пресекает любые попытки завести со мной разговор, а заодно избавляет собеседника от необходимости подавлять зевки и делать сочувствующий вид. А если сдобрить ее извиняющейся улыбкой, больше похожей на гримасу отчаяния, то беседа гарантированно закончится ровно через пять секунд.

Аза: «Да со мной ничего такого серьезного. Не переживайте. Я просто хронический пациент».

Собеседник: «Э-э... м-м... а-а. Сочувствую. То есть *поздравляю*. Вы же сказали «ничего серьезного»! Это же хорошо!»

Аза (скривившись): «Спасибо, что поинтересовались. Это *страшно* мило с вашей стороны».

Подтекст: Это нисколько не мило. Отвяжитесь наконец.

После этого расспросы обычно прекращаются. В отличие от близких посторонние люди по большей части ведут себя тактично. Хотя замечающему учителю, на глазах у которого у меня начался такой сильный приступ кашля, что пришлось вызывать «Скорую», подобная деликатность, должно быть, далась нелегко.

Люди не хотят напоминать мне о том, что я, несомненно, и так знаю. И, поверьте, я действительно об этом знаю. Не глумитесь. И *меня* за идиотку не принимайте.

Это вам не «Маленькие женщины». Бесс, вся такая милая и болезненная, всегда вызывала у меня рвотный позыв. И главное, никто не догадывался, что она умирает, хотя это было совершенно очевидно. В таких книгах стоит только кому-нибудь закатать вас в одеяло, а вам невзначай слабо улыбнуться в ответ — все, вы покойник.

Поэтому слабо улыбаться я себе не позволяю, даже если действительно чувствую слабость. Иной раз лучше вообще сделать вид, что все в порядке. Не хочу превратиться в прикованного к постели больного, который доставляет всем одни лишь неудобства.

Пиф-паф, умер ты. Закрывай глаза и спи.

Примечание. *Инвалид*. И кто только придумал называть тяжелобольных людей словом, которое происходит от прилагательного со значением «недействительный»?

Итак, тема смерти регулярно всплывает в моем присутствии. Взрослые не любят говорить о смерти. Честное слово, я и сама не люблю о ней говорить — в отличие от своих сверстников.

Они только ее и обсуждают: СМЕРТЬ СМЕРТЬ СМЕРТЬ. Их разговоры похожи на нескончаемый репортаж обо всех трагических происшествиях на земле. Они просто до неприличия очарованы смертью.

Ничего, что некоторые из нас — те, кто, скажем, смертельно болен, — не так уж сильно ею очарованы? Ничего, что некоторым из нас не так уж приятно находиться в одном помещении с людьми, которые постоянно обсуждают смерть знаменитостей — от передоза, в автокатастрофе или в результате загадочного нервного срыва?

Подростки любят плакать и мелодраматично рассуждать о том, что и в нашем возрасте люди умирают. Это я вам говорю как человек осведомленный в подобных вопросах, как человек, годами игравший роль *Той Самой Девочки, С Которой Я Был Близко Знаком И Которая Однажды Трагически Умерла*.

Правда, я еще не умерла. Я все еще тут, и именно поэтому меня так раздражают все эти романтизированные готические фантазии о смерти.

Взрослые говорят о ней куда менее охотно. В мире взрослых смерть — это своего рода Санта-Клаус, только у него все наоборот. Он забирает подарки и с большим мешком за плечами карабкается вверх по трубе, а затем садится в по-

возку, запряженную восьмеркой оленей, и увозит с собой всю твою жизнь: воспоминания, и бокалы для вина, и кастрюли, и сковородки, и свитера, и горячие бутерброды с сыром, и бумажные платки, и эсэмэски, и уродливые комнатные растения, и шерсть трехцветных кошек, и помаду, израсходованную только наполовину, и нестиранное белье, и письма, которые ты старательно писала от руки, но так и не отправила, и свидетельства о рождении, и сломанные кулоны, и одноразовые носки, которые протерлись за то время, пока ты носила их в больнице.

И записки, которые ты вешала на холодильник.

И фотографии парней, по которым ты сохла.

И платье, в котором ты пришла на школьный вечер, где в итоге танцевала одна, — еще до того, как стала слишком слабой для таких нагрузок и начала от них задыхаться.

И, наверное, там же будет твоя душа или что-то вроде того — впрочем, об этом всерьез размышлять не стоит.

В любом случае в Санта-Клауса взрослые не верят и очень стараются не верить в Санта-Клауса Наоборот.

В школе вся эта ситуация с редкой болезнью и неминуемой гибелью придавала мне загадочности в глазах сверстников. В реальном мире я стала самой настоящей проблемой. Щелк — взволнованный взгляд, щелк — озабоченное лицо. «Может быть, тебе, Аза, с кем-нибудь поговорить о том, что ты чувствуешь?» А вместо

гарнира совсем уж неудобоваримые советы: а-может-обратишься-к-Богу-психологу-антидепрессантам?

Есть еще такой вариант: а-может-вера-целители-травы-кристаллы-йога? *А ты не пробовала заниматься йогой, Аза, нет, ну правда, не пробовала, потому что йога помогла одному знакомому моих знакомых, который должен был умереть, но в итоге не умер, и все благодаря позе собаки мордой вниз?*

Нет. Я не пробовала заниматься йогой, потому что йога меня не вылечит. Моя болезнь — Тайна, и не просто Тайна, а самый настоящий Бермудский треугольник, только еще и солнечный свет туда не доходит.

Загадка. Неизвестность.

Каждое утро я пригоршнями глотаю таблетки, хотя никто точно не знает, что же со мной такое. Вот такая у меня редкая болезнь. (*«Насколько редкая?»* — спросите вы.)

Настолько редкая, что, сколько бы раз у меня ни брали кровь на анализ, сколько бы тестов ни делали, сколько бы предметов мне ни совали в глотку, сколько бы раз меня ни отправляли на рентген, МРТ и УЗИ, сколько бы ни брали мазков, точного диагноза поставить так и не удалось.

Настолько редкая, что если бы про меня и мою болезнь сочинили песню, то это была бы баллада о неразделенной любви с припевом на манер: «Детка, мне нужна только ты, ты одна». Помимо столь завидного постоянства моя болезнь славит-

ся еще и настырностью и, подобно упрямому кавалеру, терпеливо ждет, пока я не прекращу сопротивляться и не упаду в ее объятия.

Настолько редкая, что пока что я единственный человек на земле, которому достался этот подарок судьбы.

Вам может показаться, что я преувеличиваю. Но нет, болезнь моя настолько редкая, что ее называли синдромом Азы Рэй.

В честь меня, Азы Рэй Бойл.

По-моему, это неправильно. Я не хочу, чтобы болезнь стала моим двойником, не хочу обрести бессмертие, став случаем из медицинской практики, не хочу, чтобы мое имя еще сотню лет проносили студенты-медики. Ученые из лаборатории просто взяли и отправили доклад, в котором болезнь названа моим именем, в журнал «Природа», а МЕНЯ никто и не подумал спросить. Я бы им этого не разрешила. Я бы сама хотела придумать название своему недугу. Мне вот нравится вариант Подонок, хотя Элмер или Клайв тоже звучат довольно отвратительно.

На самом деле я не очень люблю обсуждать смерть и все, что с ней связано. У меня нет депрессии, просто с тех пор, как я себя помню, вся моя долбаная жизнь идет наперекосяк.

Да, мне разрешают выразаться, если того требует случай. А моя болезнь определенно заслуживает самых ярких эпитетов. Почему? Потому что я заперта в собственном теле, там тесно и негде развернуться, и болезнь меня победит.

Ладно, давайте не будем больше говорить о том, чего нельзя исправить. Я модификация девочки-подростка — по крайней мере, так я себя называю, когда хочу объяснить человеку кое-что, о чем мы оба предпочли бы и не упоминать, чтобы раз и навсегда разделаться с этой темой и перейти к более стоящим.

Разумеется, я знаю, что выгляжу неважно. Не стоит так озабоченно на меня смотреть. Знаю, что вам хочется помочь мне, но это невозможно. Знаю, наверняка вы хороший человек, но, серьезно, хватит уже. С посторонними я готова обсуждать что угодно, только не это.

Но где же факты? В чем заключается Элмер/Клайв/Пододок/синдром Азы Рэй и как я с ним живу? Живу я в помещениях, где нет пыли. Так было практически всю мою жизнь. Когда я появилась на свет, я была здорова и (в теории) совершенна. Почти что год спустя мои легкие вдруг перестали понимать, что такое воздух.

Однажды утром, заглянув в мою комнату, мама увидела, что у меня начался приступ. Она не растерялась (это же все-таки моя мама) и принялась делать мне искусственное дыхание. Она поддерживала во мне жизнь, пока меня не доставили в больницу, где меня подключили к аппарату искусственной вентиляции легких, который тоже едва справлялся с этой задачей. Мне дали лекарства, а концентрацию кислорода в воздухе понизили вместо того, чтобы повысить. И стало немного лучше.